

Та же участь ожидаетъ и монголовъ, живущихъ въ Цайдам'ѣ. Еще лѣтъ 20 тому назадъ въ Цайдам'ѣ половина населенія жила чисто по монгольски; но съ той поры и цайдам'цы перемѣнили покрой платья на тангутскій и хотя нравы ихъ пока еще сохраняютъ свой прежній характеръ, но и это, по словамъ старика Цзун'а, продержится вѣроятно не долго: — много, много два-три десятка лѣтъ, „а черезъ сотню лѣтъ, говоритъ этотъ старикъ, пріѣзжій не найдетъ у насъ и признака монгольскаго происхожденія“.

Разительнымъ примѣромъ постепеннаго отангутиванья можетъ теперь служить хошунъ Тайчжинэръ. 53 года тому назадъ этотъ хошунъ избѣжалъ тангутскаго набѣга, вслѣдствіе удаленности его кочевій. Населеніе восточной части этого хошуна, соприкасаясь съ кочевьями Цзун'а, лѣтъ 20 тому назадъ приняло тангутскій покрой платья, хотя во всемъ остальномъ тайчжинэр'цы остаются еще монголами. Языкъ пока также остался неприкосновеннымъ, хотя молодежь вмѣсто монгольскаго „чжа“ или „цзэ“, употребляемаго стариками, говоритъ уже „лаксу“, что одинаково означаетъ—хорошо-хорошо, да-да и проч. Средняя часть этого хошуна приняла тангутскій покрой платья всего лишь пять-шесть лѣтъ тому назадъ, да и то лишь мужчины и дѣвушки. Женщины же пока держатся монгольскихъ образцовъ, какъ въ покроѣ платья, такъ и въ прическѣ. Зато западная часть этого хошуна, остается еще совершенно не тронутой; здѣсь сразу же глазъ поражается отсутствіемъ тангутскихъ шапокъ, оружія, мѣшковъ на спинѣ и женскихъ украшеній и причесокъ. Изрѣдка лишь можно встрѣтить молодого монгола въ рубашкѣ съ широкимъ воротникомъ тангутскаго покроя. Манеры, мягкій характеръ, гостепримство, довѣрчивость, отсутствіе корысти и жадности, свойственныхъ отангутившимся монголамъ, не отличаютъ западно-тайчжинэрскихъ монголовъ отъ монголовъ Халхи.

Но долго ли это продлится, сказать нельзя; вѣроятно же всего, что черезъ десятокъ-другой лѣтъ и эти монголы не будутъ отличаться отъ монголовъ Восточнаго Цайдам'а. Этому отангутиванью особенно способствуетъ то обстоятельство, что всѣ мальчики монголы учатся писать главнымъ образомъ по тибетски. Что же касается монгольской грамоты, то она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе забывается. Дѣло дошло даже до того, что многія буквы монгольскаго алфавита совершенно забыты, а очень многія исковерканы почти до неузнаваемости. Монголы, живущіе далеко одинъ отъ другого, въ случаѣ необходимости переписываются уже не по монгольски, а по тибетски.